

ПРЕКРАСНАЯ ДИКАРКА

ЛЮСИ СМОУК

*Она не жертва.
Она их самая опасная ошибка.*

Freedom. Опасные Сердца. Темная романтика

Люси Смоук

**Бешеные парни.
Прекрасная дикарка**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Смоук Л.

Бешеные парни. Прекрасная дикарка / Л. Смоук — «Эксмо»,
2024 — (Freedom. Опасные Сердца. Темная романтика)

ISBN 978-5-04-247372-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Они жестоки. Безрассудны. Идеальный шторм. Эти больные парни упиваются порядком, который сами же и устанавливают. Университет Истпойнт – их игровая площадка, точно так же, как город десятилетиями был под влиянием их семей. Но власть не заканчивается на кампусе. Каждый из троих – наследник империи, чье богатство тянется далеко за пределы законного. А за золотыми фасадами – преступный мир, коррупция и кровь. С виду – принцы. А он – их король. Но под мраморными масками – ложь, секреты и столько грязи, что не отмыть. Они могут уничтожить любого, кто встанет на пути. Одним звонком. Одним словом. И да, они такие же сумасшедшие, как и я. Но это не значит, что я позволю им взять надо мной власть. Потому что я, Авалон Мэннинг, не становлюсь на колени. Я живу, чтобы нарушать правила.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-247372-2

© Смоук Л., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Примечание автора	8
Пролог	9
1	11
2	13
3	17
4	23
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Люси Смоук

Бешеные парни. Прекрасная дикарка

Copyright 2024 Lucy Smoke

© Корнейчук Ю., перевод на русский язык, 2025

© И издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Дизайн обложки и макета И. Пинчук

Примечание автора

Привет, дорогой читатель!

Спасибо, что выбрали книгу «Прекрасная дикарка». Я хотела бы поделиться с вами своими мыслями о процессе ее создания.

Эта книга далась мне нелегко. Я многократно переписывала начало и в какой-то момент потеряла счет своим попыткам. Их число перевалило за двузначное. Но теперь все готово, и я рада, что вы держите книгу в руках.

Прежде чем мы отправимся в путешествие по страницам истории Авалон, хочу предупредить вас, что «Бешеные парни» это не просто цикл романов о хулиганах. В нем поднимаются сложные и мрачные темы, такие как насилие, боль и человеческие пороки. Герои сталкиваются с трудностями, и их путь будет непростым. Вы увидите много кровопролития и боли.

Из-за личного опыта, связанного с травлей, я решила не называть ни одну из своих нынешних или будущих работ «хулиганским романом». Однако скажу, что в этой книге есть такие тропы, как «студенческий возраст», «new adult», «от врагов к возлюбленным» и «романтика». Это история о том, как молодые люди ищут свое место в мире, о любви и сложных отношениях. Здесь есть элементы романтики, но также и темные стороны жизни.

Если вы чувствительны к таким темам или легкоранимы, возможно, эта книга не для вас. Пожалуйста, отнеситесь к чтению с осторожностью и пониманием.

Пролог Авалон

Если ты ни от кого ничего не ждешь, ты никогда не будешь разочарован.

Сильвия Плат. Под стеклянным колпаком

Я жму на газ, выжимая педаль до упора. Стрелка спидометра дергается вверх, потом вниз, но вскоре снова медленно ползет к ста милям в час. Пробиваясь сквозь мрак, свет фар выхватывает из темноты очертания дома, стоящего на лесной тропе. Но чем дольше я всматриваюсь в лобовое стекло, тем труднее мне различить детали, и я осознаю, что причина не в качестве дороги, а в том, что мои глаза застилают слезы. И я не просто плачу. Я рыдаю. Громко, со всхлипами. Соленые слезы текут по моим щекам и оставляют металлический привкус во рту. Почему? Потому что я слишком сильно прикусила губу, она треснула, и кровь попала мне на язык.

– Да пошел он... – шепчу я и бью кулаком по рулю. Достаточно сильно, чтобы боль отдалась рикошетом в моей руке. – Пошли они все, – говорю я громче. – Не только Дин Картер, а вся эта гребаная троица. Один за всех, и все за одного, черт возьми. Я знаю, что они его поддержат! Так что пошли они! К черту! – кричу я, пока не начинает болеть в груди.

С болью приходит ощущение, будто меня разорвали на куски и бросили гнить. Но именно это он и сделал. Никогда раньше никто не заставлял меня чувствовать себя такой же грязной и отвратительной, как моя мать. Даже сама Патриция. Но он смог.

И почему я так себя чувствую? Потому что облажалась. Да, я думала, что поступаю правильно, но, сдавшись и приняв его, осознала всю глубину своего падения. Я знала, что пожалею, и все равно позволила ему себя одурачить. Разве это не очевидно? Мне казалось, я сильная и не могу стать жертвой, но я не настолько глупа, чтобы не понять связи между тем, что чувствую сейчас, и тем, что произошло.

Боже, я задыхаюсь...

Наша близость была грязной, отвратительно прекрасной и потрясающей. В руках Дина я была не Авалон Мэннинг – девушкой из трейлерного парка, а собой. Без этого дерьма из прошлого, которое могло все испортить. А он был просто парнем. Раздражающим, властным и порой невыносимым. Но все равно нравившимся мне. В прошедшем времени.

Разумеется, я в него не влюбилась. Полюбить его означало бы уничтожить все, что есть во мне. К тому же я не из тех, кто любит. Я из тех, кто разрушает. И Дин еще этого не знает, но он совершил огромную ошибку, связавшись со мной.

Змея чистого, ничем не сдерживаемого гнева вырывается на свободу и ползет вверх по моему горлу, размывая реальность. Я отпускаю педаль газа, и угнанный «Мустанг» плавно продолжает движение сам по себе.

В конце концов «Мустанг» останавливается прямо посреди дороги. Вокруг – тьма, густая и бездонная, как и мои мысли. За спиной – темное прошлое, а впереди – туманное будущее, которое, кажется, никогда не станет светлее. Я сижу в угнанной тачке, вся в крови и слезах, и смеюсь, как дура. Громко, долго, до колик в животе. Чувствуя, как что-то ломается в голове. Барьер, который не давал мне сойти с ума, рушится, и я чувствую удовлетворение, которое топит меня в моей темноте. Это чертовски приятно.

Я тянусь к ремню безопасности, но взгляд невольно падает на бардачок.словно чужими руками, я отстегиваю ремень и нажимаю на кнопку. Бардачок распахивается, как ворота в ад, и я нащупываю рукоять пистолета, который лежал здесь с самого начала. Он тяжелый, но ощущается продолжением моей руки. Я поднимаю его, целясь в лобовое стекло, и представляю

их лица – одно за другим. Что бы я сделала, если бы они стояли, выстроившись в шеренгу, освещенные фарами «Мустанга»? Смогла бы я их убить? Просто вышибить мозги? Но тут я понимаю, что избавиться от них всех разом было бы слишком просто, и, скорее всего, я бы никогда не выстрелила в Дина Картера.

Мой палец замирает на спусковом крючке, а затем я опускаю оружие и кладу обратно в бардачок. Нет, я не убью их. Я приготовлю для них кое-что получше, нечто более извращенное. Но для этого мне нужно вернуться. Не в Ист-Пойнт, а туда, где все началось. В место, где тени прошлого переплетаются с настоящим, создавая сеть, из которой я никак не могу выбраться. Слишком много людей думают, что могут мной командовать. Я должна разорвать этот порочный круг, ведь только тогда я смогу посмотреть в лицо будущему. Будущему, которое создам сама, где правила будут только моими.

Я снова жму на газ, и «Мустанг» оживает, словно почувствовав мою решимость. Эти ублюдки думают, что могут ворваться в мою жизнь и превратить ее в ад. Но они не понимают, что я родилась в этом аду и знаю не только как здесь выжить, но и как подняться в рай.

1

Дин

16 лет

Главное оружие в мире – деньги и власть. Многие люди не знают, что все наше богатство запятнано кровью, но настоящая власть никогда не приходит без жертв. За деньги и власть люди сражаются, проливают кровь и умирают. Неважно, кто вы, откуда родом, это единственный неоспоримый фактор будущего и того, что оно сулит. Потому что деньги – и есть власть, а власть – это кровь, а я хочу и того и другого.

Пока я пытаюсь отдышаться, а из моей правой ноздри капает теплая красная жидкость, мой отец стоит в стороне и холодно наблюдает за мной. Черт возьми, он всегда наблюдает за мной и ждет, что я либо докажу свою никчемность, либо стану достойным наследником. Но у меня нет выбора. Я отказываюсь быть первым, потому что должен стать вторым.

Схватив противника за шею, я чувствую, как напрягаются мои бицепсы, и с силой прижимаю его лицо к бетонной площадке. Раз, другой, третий, пока он не стонет под моей хваткой, а боль, которую он, должно быть, испытывает, не превращает этот звук в жалкую имитацию того, что должно быть долгим и затрудненным вздохом. Только когда этот звук достигает моих ушей, я отпускаю парня и делаю шаг назад. Я не вздрагиваю, когда он снова кашляет, а кровь, которая течет из его рта, попадает на носки моих новеньких туфель. Кристально-белые, теперь они забрызганы кровью. Кажется, это символ моей семьи, вернее, всех семей Ист-Пойнта.

Брэкстон и Абель стоят рядом со своими отцами чуть в стороне от меня. Их лица ничего не выражают, но я чувствую, что каждый из них думает о том, как скоро им предстоит пройти через то же, что и мне. С пеленок я знал, чего от меня ждут как от будущего лидера наследников Ист-Пойнта. Сейчас это мое время. Я справлюсь и не дрогну.

Посмотрев вниз, я замечаю валяющийся на земле зуб, выплюнутый человеком, который сейчас корчится и стонет. Его боль столь осязаема, что я почти ощущаю ее на вкус. Одна часть меня задается вопросом, действительно ли это должно мне так нравиться, другой же на это совершенно плевать.

– Дин... – Единственное слово, произнесенное отцом, подсказывает мне, что пора действовать.

Пора прекратить играть с моей жертвой и покончить с этим. Наклонившись, я поднимаю мужчину за воротник уже порванной рубашки. Если кому-то из окружающих и кажется странным, что шестнадцатилетний подросток может быть намного крупнее и сильнее взрослого мужчины, то никто из них, включая самого мужчину, не обращает на это внимания.

– Ты знаешь, чего мы хотим, – говорю я. – Все, что тебе нужно, чтобы избавиться от страданий, – отдать его нам.

– Я не... – мужчина качает головой.

– *Не позволяй им лгать*, – первое правило, вбитое в меня отцом. – *Добейся признания, а затем убей.*

Никаких лживых оправданий. Никаких попыток ухватиться за обрывки своей жизни, что когда-то была их собственностью, и вернуть ее обратно. У меня нет права на милосердие, только на ледяное безразличие.

Поэтому я бью его изо всех сил кулаком в лицо, чувствуя, как трещат костяшки моих пальцев. Из его носа, как и недавно из моего, фонтаном брызжет кровь. За все это время мужчина, скулящий от боли в моих руках, сумел нанести мне лишь один удар, но я вижу, что он разозлил моего отца.

Теперь я все делаю правильно. Не колеблясь, наношу удары кулаками, пока капли пота не выступают у меня на лбу и не стекают по лицу. Я позволяю крови покрыть костяшки моих пальцев и испачкать одежду, но все еще ощущаю неодобрение, исходящее от отца. Мне не нужно смотреть на него, чтобы понять: его руки скрещены на груди, и он смотрит на меня мертвым взглядом.

– Прощу, – выдыхает мужчина, схватившись за мои плечи и пытаясь подняться на ноги, но я с силой бью его по колену, и он снова падает на землю.

– Просто скажи это, – приказываю я.

Он снова хнычет, как девочка, когда я упираюсь ногой ему в пах и давлю сверху.

– Мне жаль, – его голос дрожит, но в нем нет ни капли искренности. Слезы текут по щекам, но это лишь притворство. – Простите меня. Вы хотите услышать мое признание? Хорошо. Они предложили мне много денег, и я не смог отказаться. Это не потому, что я предатель. Клянусь, что служил вам верой и правдой, а они – ничто. Я готов предоставить вам любую информацию, какую захотите.

Я оборачиваюсь, и Николас Картер отвечает мне безмолвным кивком. Мужчина, корчащийся на холодной земле, не представляет для нас никакого интереса, поэтому, потянувшись к кобуре, пристегнутой к поясу моих брюк, я касаюсь холодного металла пистолета. Как только мужчина замечает оружие, он инстинктивно отползает назад и оглядывается по сторонам, будто кто-то здесь сможет или даже желает ему помочь. Часть меня хочет посмотреть на Брэкстона и Абея, чтобы увидеть их реакцию, но я подавляю это желание. Ведь если я попробую это сделать, то осознаю, что могу потерпеть неудачу. А пока я могу позволить себе эту маленькую радость – почувствовать власть, ощутить, как ярость затмевает все остальное. Возможно, однажды я захочу найти что-то, что заглушит этот огонь внутри меня. Но сейчас я не хочу видеть их лица. Не хочу, чтобы они видели во мне того, кем я стал. Убийцу.

Я говорю себе, что это наша судьба. Эти слова принадлежат моему отцу и эхом звучат в моей голове, как проклятие. Мы живем в роскоши, утопая в богатстве, но это не дар. Это наша компенсация, чтобы мы никогда не забывали, что находимся на вершине не просто так. Мы не рождены для хаоса – мы созданы, чтобы порождать его, управлять им.

Я делаю шаг вперед и приставляю пистолет ко лбу мужчины. Его крики и мольбы звучат у меня в ушах, как белый шум. Никаких четких слов, ничего внятного, только помехи.

Вздыхнув, я, не раздумывая, нажимаю на спусковой крючок.

2

Авалон Прошлое

Когда я открываю глаза, меня окутывает густая вонь дерьма, пропитавшая каждый уголок трейлера. Стены покрыты плесенью, а по зеленому ковру, как всегда, ползут жуки. Из гостиной доносится храп Патриции. Я встаю и готовлюсь к школе: чищу зубы, расчесываю волосы и торопливо завершаю утреннюю рутину. Некоторые люди думают, что я, как подросток, люблю прогуливать уроки или не делать домашку. Но это не обо мне. Я не только не против школы, но и готова на все, чтобы выбраться из этой адской дыры и держаться от нее подальше.

Патриция похожа на сломанную куклу, чья фарфоровая маска испещрена трещинами. Некогда нежная кожа покрыта уродливыми пятнами из-за чрезмерного секса и препаратов. Мать она мне или нет, но ее душа давно истлела, оставив лишь оболочку, гниющую изнутри. Это разлагающийся труп, который не способен, черт возьми, завязать.

Ни дня в своей жизни я не верила в Бога, хотя с первого класса мне приходилось слушать религиозные проповеди фанатиков. Здесь, на юге, этих благонамеренных, стремящихся спасти всех и вся, целая орда. Но иногда я молюсь, чтобы Он послал молнию или ураган, что-то, что могло бы ее поразить. Но этого никогда не случается. У других детей тоже есть матери, которые употребляют, но они хотя бы пытались избавиться от зависимости. Возможно, они жестче Патриции и даже бьют своих детей, но хотя бы признают их существование. Иногда я задаюсь вопросом, помнит ли вообще Патриция, что породила еще одно человеческое существо. Хотя трудно представить женщину, лежащую на матрасе, служащем диваном, с обвисшими сиськами и воняющую вчерашней рвотой и выпивкой, в традиционном образе матери.

Я останавливаюсь у матраса, и запах рвоты и пыли, заполняющий пространство, вызывает у меня гримасу отвращения. Очевидно, она так и не добралась в свою комнату, возвращаясь домой, и теперь ее обессиленная рука свисает с края матраса, касаясь одной из множества бутылок из-под спиртного, разбросанных по полу. Замечая, что старый поцарапанный кофейный столик покрыт белым слоем пыли, я хмурюсь: где, черт возьми, она взяла деньги на дозу? Я пересекаю гостиную и слегка пинаю ее руку, не заботясь, больно ли это будет или оставит синяк. Она бы поступила со мной так же, если бы мы поменялись местами.

– Эй, – я наклоняюсь и щелкаю пальцами у нее перед носом. – Просыпайся.

С ее сухих приоткрытых губ доносится тихий стон, и она перестает храпеть, открывая глаза.

– Авалон?

– Вставай, – хмурюсь я еще сильнее, – мне пора в школу.

Она не машет рукой, а лишь поднимает и опускает ее.

– Так иди.

– Нет, – рычу я, сжимая кулаки, и снова пинаю ее руку. – Сегодня ты должна прийти в школу. У нас родительское собрание. Я говорила тебе об этом на прошлой неделе.

На самом деле я не хочу, чтобы она присутствовала на этом собрании. Но также я не хочу, чтобы вся школа гадала, почему моя мама не отвечает на звонки или не появляется на встречах вроде той, что состоится сегодня. Да потому что она постоянно спит с кем попало, нажирается в хлам или находится под кайфом.

Патриция что-то бормочет себе под нос, а затем отворачивается.

– Я чертовски устала, – говорит она достаточно громко, чтобы я могла ее расслышать. – Возможно, если бы кто-то предложил мне помощь прошлой ночью, я не была бы такой уставшей. Ведь кому-то из нас нужно работать, чтобы иметь крышу над головой.

Понятно, на кого она намекает. Меня переполняет ярость, хочется схватить ее за волосы и выбить зубы. Я едва сдерживаюсь.

– Я не собираюсь встречаться с твоими друзьями за деньги, – говорю я сквозь стиснутые зубы.

– Рано или поздно ты все поймешь, Ава, – говорит она, отворачиваясь. – Продолжай бороться, но ты рождена быть такой, как я.

Ее слова бессердечны. И не потому, что в них насмешка или подтекст. А потому что мне нечего на них возразить. Словно будущее, в котором я под каким-то старым, вонючим мужиком за наркотики или деньги, просто неизбежно.

– Ну ты и сука! – восклицаю я, отворачиваюсь и направляюсь к входной двери.

Мои попытки бесполезны. Она не собирается вставать или приходить на собрание.

Со всей злости захлопываю за собой сетчатую дверь и с наслаждением наблюдаю, как выцветшая трещина, которая была там долгие годы, становится чуть длиннее. Надеюсь, этот звук казался Патриции иголками, вонзающимися в уши.

Эгоистичная сука!

На середине спуска по бетонным ступеням я вдруг замираю, услышав знакомый голос:

– Авалон! Хорошо выглядишь, малышка.

Я смотрю на мужчину, выходящего из старого «кадиллака», который я видела слишком часто.

– Чего тебе надо? – спрашиваю я, не думая о проявлении уважения.

Роджер Мерфи – влиятельный наркоторговец в Плекстоне. Мне доводилось часто наблюдать его безобразное, отекавшее, покрасневшее лицо с усами и бородой в трейлере моей матери. Патриция может утверждать, что работает всего лишь стриптизершей и периодически отсасывает копам, которые время от времени ее задерживают, но я-то знаю правду. На заработки в клубе она не смогла бы позволить себе дерьмо Роджера.

Роджер улыбается и отходит от «кадиллака», который наполовину стоит на газоне.

– Просто заехал проведать твою маму, – говорит он.

Когда он движется, его живот колышется, словно он беременен. Под его кожей тот же набор препаратов, что и у Патриции, волосы стали тусклыми и тонкими, а зубы потрескались и пожелтели. И, когда он подходит ближе, я чувствую сладкий металлический запах, который дает мне ответ на мой не высказанный ранее вопрос. Что ж, теперь я, по крайней мере, знаю, откуда у нее эта дрянь.

– Она спит, – заявляю я.

Он проводит грязной рукой по нечесаной бороде, вырывая несколько волосков толстыми пальцами.

– Что ж, это очень плохо, потому что, видишь ли, я пришел получить оплату за свою последнюю доставку.

Мерзкий страх скручивает мои внутренности, а живот пронзает острая боль, будто он кровоточит изнутри.

– Она дома, – бесстрастно говорю я. – Если хочешь, разбуди ее. Мне все равно, – спускаюсь по бетонным ступенькам и медленными размеренными шагами направляюсь к концу подъездной дорожки. – Мне пора в школу.

Не смотри на него, говорю я себе, но Роджер протягивает руку и хватает меня, когда я пытаюсь пройти мимо. Я чувствую, как внутри меня закипает ярость.

Он посмел ко мне прикоснуться, черт возьми! Он прикасается ко мне, и мне это не нравится.

Я смотрю на свое плечо, на котором лежит его ладонь.

– Вообще-то, – начинает он, – я думаю, нам стоит пойти и попробовать разбудить ее вместе. Хочу убедиться, что получу второй платеж.

Я пытаюсь вырвать руку, но его хватка слишком сильна, и меня пронзает жгучее ощущение, похожее на разряд тока. Страх. Я пытаюсь скрыть его в глубинах своей души и заставить подчиниться.

Я Авалон Мэннинг, говорю я себе, я ничего и никого не боюсь.

Не имеет значения, лживы ли эти слова, но самоубеждение заставляет меня выпрямиться и унять нервозность, пульсирующую под кожей.

– Нет, не хочу, – отвечаю я сквозь стиснутые зубы. – К тому же у меня нет денег. Они есть у Патриции, обсуди это с ней.

Где-то с минуту он пристально смотрит на меня, а затем говорит:

– Знаешь, коротышка, – его хватка на моем плече становится слабее, – я никогда не слышал, чтобы ребенок так отзывался о своей маме. Ты считаешь себя взрослой, не так ли? И ведешь себя как настоящая женщина. Указываешь мне, что делать и все такое. Но так поступают только сучки, которые сосут мне.

Я морщусь от отвращения и думаю, что никогда такой не стану.

– Напомни, сколько тебе лет? – спрашивает он.

Я слишком молода, чтобы его взгляд был таким.

Он снова проводит рукой по бороде, и из его горла вырывается стон. Я отчаянно хочу вырваться из его хватки, но понимаю, что он намеренно ее ослабил. Он чего-то ждет, возможно, чтобы я сделала то, чего хочу: вырвалась и убежала.

Внезапно позади меня раздается скрип сетчатой двери, и вопреки моей воле меня охватывают облегчение и надежда. Патриция – никудашная мамаша, но, возможно, она вышла, чтобы убедиться, что он не пройдет со мной в дом.

Я оглядываюсь, но она не смотрит на меня. Ее взгляд прикован к Роджеру, а в глазах светится нечто странное. В этот миг мое облегчение исчезает вместе с надеждой. Она вышла не для того, чтобы меня спасти, а ради того, что он может ей дать. Вероятно, если бы он посулил ей достаточно наркотиков, она предложила бы ему меня как жирную индейку на День благодарения. Удивительно, что она до сих пор на это не решилась.

Меня охватывает отвращение.

– Роджер, – голос Патриции превращается в отвратительное мурлыканье, и Роджер наконец-то убирает свою руку. Мне с трудом удастся подавить желание выцарапать ему глаза своими изгрызенными ногтями. – У тебя есть то, что мне нужно?

Роджер еще раз окидывает меня взглядом и проводит толстым языком по нижней губе, а затем поднимает глаза и смотрит на мою мать.

– Да, детка, – говорит он и делает шаг вперед, – у меня есть все, что тебе нужно.

– Авалон, – я останавливаюсь, когда мама зовет меня по имени, и оглядываюсь. – Больше не влезай в комнату через окно. Если вернешься домой вечером, входи через парадную дверь. Разобьешь окно – сама за него и заплатишь.

Да уж, войди в парадную дверь и увидь ее во всей красе. Голую и отвратительную, которую Роджер или кто-то из его дружков использует для удовлетворения своих низменных потребностей.

Я отмахиваюсь от матери и иду дальше по дорожке. Даже когда Роджер заходит в трейлер, а дверь за ними закрывается, мое сердце еще колотится, готовое выскочить из груди. Страх – это признак бессилия, особенно для таких девушек, как я. Ведь на свете нет ни одного гребаного человека, которому есть дело до того, живы мы или умерли. Этот страх присутствует во мне всегда, и я ненавижу его всеми фибрами своего существа. От него в моем животе поднимается зловещее и отвратительное желание войти в трейлер Патриции, взять один из ножей с кухонного стола и перерезать горло Роджеру, пока он вдыхает кокаин с грязного стекла кофейного столика. Обычной девчонке не положено мечтать о таких вещах. Эта картина не должна вызывать у нее улыбку. Но я улыбаюсь. Роджер здесь – человек влиятельный. У него есть нар-

котики, деньги и власть. Я же – никто. Но после смерти все станут равны. Богатые и бедные, мужчины и женщины – не имеет значения.

Я сжимаю руку в кулак, впиваясь ногтями в ладонь, и жду, когда кожа лопнет и покроется кровью. Когда я чувствую боль и позволяю ей смешаться с другими ощущениями, охватывающее мое тело сердцебиение замедляется. Гнев отступает в самые темные уголки моего сознания, оставляя лишь легкое покалывание.

Я солгала, я действительно ее ненавижу. Ненавижу ее. Ненавижу. **НЕНАВИЖУ. ЕЕ.**

Но больше всего я ненавижу то, что испытываю это чувство. Дети не должны так относиться к своим родителям, а родители не должны угрожать своим детям сценами совокупления. Однако во мне столько ненависти, что она буквально сжигает меня изнутри. Именно так я понимаю, что становлюсь похожей на Патрицию. Я стою на краю пропасти. Один неверный шаг – и я упаду в темную бездну, куда она, возможно, провалилась задолго до моего рождения. А еще через десять лет я, возможно, умру или все еще буду торчать в этом городе, в этом трейлере. У меня будет ребенок от мужчины, которого я уже не вспомню.

Меня охватывает злость. Я останавливаюсь на краю дороги, наблюдая за тем, как мимо проезжает ярко-желтый школьный автобус, а затем поворачиваю за угол к автобусной остановке. Образы, которые я придумала, кажутся слишком реальными. Хотя я совсем не похожа на Патрицию, ее черты мерещатся мне повсюду, в каждом моем действии.

Сердце снова бешено стучит, на глаза наворачиваются горячие слезы. Но я прогоняю их, не позволяя пролиться. Я отказываюсь быть слабой, как моя мать, и больше никогда не позволю такому мужчине, как Роджер Мерфи, прикасаться ко мне без моего разрешения.

Если он попытается сделать это снова, я его просто убью.

3

Авалон

Ярость переполняет меня, когда я врываюсь в школьные двери. Внутри все кипит от разочарования и гнева. Подпитанная огромной дозой *О, черт возьми, нет!* и *О чем, черт возьми, только думала эта сука?*, я проталкиваюсь сквозь толпу учеников, собравшихся у шкафчиков в главном холле школы Плекстона.

– Эй, Ава, не возражаешь, если вечером я загляну к тебе, чтобы пообщаться наедине? – кричит мне кто-то, когда я прохожу мимо.

Продолжая идти вперед, показываю ему средний палец.

– Извини, но пока ты не дорос до того, чтобы ездить на авалонском поезде, – говорю я и поднимаю руку чуть выше его роста. – Ну и член у тебя, наверное, тоже еще не вырос.

– Отсоси!

– Отсоси себе сам, – огрызаюсь я в ответ. – Потому что я точно не буду этого делать, хрен карандашный.

Парень яростно смотрит на меня, но я игнорирую его и продолжаю идти, решительно настроенная на уничтожение. Застываю у порога кафетерия, обводя взглядом помещение. Наконец мои глаза выхватывают цель. Чувствую, как внутри поднимается волна тревоги, и разминаю шею, готовясь к неизбежному. Это будет хуже, чем те ночи, когда мама забывалась в пьяном угаре.

– Кажется, шлюха все-таки пришла, – произносит коротко стриженная блондинка, сидящая в конце стола, на который устремлен мой взгляд.

Моя цель.

Направляюсь к столу, за которым сидит эта тупая сучка, а она продолжает улыбаться, даже когда я останавливаюсь перед ней. Не даю ей шанса среагировать. Только что она сидела, самодовольная и улыбающаяся так, что ее макияж мог треснуть, а в следующую секунду мой кулак уже летит ей в лицо.

– Ты сука! – ее полный шок и ужаса крик звучит как музыка для моих ушей.

Она падает со стула и пытается отползти от меня, а по залу пробегает волна напряжения. Разговоры стихают, и все взгляды устремляются на меня, но я привыкла быть в центре нежелательного внимания. Патриция захомотала достаточно отцов этих детей, чтобы сделать меня изгоем в их обществе. Такое происходило в любой школе, и обычно мне плевать на то, что люди обо мне думают. Но сегодня это волнует меня еще меньше, чем обычно. Почему? Потому что когда я злюсь, то часто забываю, что в этой школе и во всем городе нет никого, кому было бы до меня дело.

– Какого хрена? – восклицает Брук, оставаясь на полу, но отодвигаясь от меня еще дальше.

Все сидящие за столом этой суки одновременно встают, а двое парней из футбольной команды бросаются вперед, будто пытаясь остановить меня, но я не колеблюсь. Схватив первое, что попало под руку (учебник, лежащий на столе рядом с рюкзаком), я затыкаю эту тварь, кричащую на меня с пола: запихиваю корешок учебника ей в рот и толкаю ногой в живот.

– Ты так удивлена моим приходом, Брук? – Наклоняю голову и вижу, как она задыхается. – А ведь вчера ты практически умоляла об этом.

– Черт, я не... – Брук снова кашляет, но я улавливаю суть того, что она пытается сказать.

– О, нет! Ты умоляла, – я наступаю ей на лицо. – Мисс Принцесса, некогда блиставшая на вершине мира, теперь вязнет в грязи. Представь, что тебя здесь ожидает. Я – королева этой дыры.

Брук рычит, держась за горло, которое, видимо, все еще болит. Но это лишь цветочки. Прежде чем мы закончим, я собираюсь основательно надрать ей задницу. Обычно мне насрать, что про меня говорят люди, но наступает момент, когда безразличие перевешивает явное неуважение. Если бы ее сплетни остались в стенах школы, возможно, я бы смогла их проигнорировать, но эта тупая сука решила притащить свою аккуратную маленькую задницу в мой район. Район грязных трейлеров, веществ и проституток. И стала распространять это дерьмо там. Не понимаю, как она решилась туда пойти: глядя на нее, никогда бы не подумала, что Брук на такое способна. Но воспоминания о том, как один из приспешников Роджера, заявившийся в трейлер моей матери прошлой ночью, поинтересовался моей ценой, заставляет мою кровь снова закипеть. Брук еще не знает об этом, но она подписала себе приговор, и я более чем готова привести его в исполнение.

– Слушай сюда, сучка, – я роняю учебник, наклоняюсь вперед и сжимаю ее горло. – Придя в мой район, ты совершила большую гребаную ошибку.

Она хрипит в моих руках и пытается дотянуться до меня, хватаясь за воздух слабыми руками, но вдруг кто-то возникает за моей спиной и, обхватив меня за талию, тщетно пытается оттащить от сучки. Похоже, терпение футболистов лопнуло. Однако все закончится лишь тогда, когда я решу.

Откидываю голову назад и застаю этого мудака врасплох. Руки, схватившие меня за талию, мгновенно разжимаются. Из-за моей спины доносится мужское ворчание, и ко мне больше не прикасаются. Но мой очевидный гнев, похоже, не останавливает девушку, чье горло я держу в руках.

– Ты просто мусор, – выплевывает она, – прямо как твоя мать-шлюха. И теперь все об этом знают.

Я закатываю глаза. Патриция не шлюха, по крайней мере, не в традиционном понимании этого слова. Она не торгует своим телом за деньги, лишь за наркотики. Кокаин, героин, экстази – назовите любой наркотик, и она наверняка уже его пробовала.

– Давай разберемся с фактами, – рычу я сквозь стиснутые зубы. – Моя мать не шлюха, а просто наркоманка. А ты всего лишь маленькая несчастная сучка, чей парень не смог удержать себя в штанах, – говорю я, прежде чем снова врезать ей кулаком по лицу. Раздается хруст, и из ее носа брызжет теплая кровь. Зрелище, скажу вам, чертовски красивое.

– Значит, ты все-таки переспала с ним! – кричит она во все горло, одновременно прижимая руку к лицу, чтобы остановить поток крови и слизи. – Я так и знала!

– Конечно, он пытался, – признаю я, отступая назад. – Но, к твоему сведению, даже если бы он был последним мужчиной на Земле, я бы не осмелилась прикоснуться к твоему парню. Мне бы не хотелось подхватить тот же синдром фригидной стервы, что и у тебя.

Она возмущенно выдыхает, с трудом поднимаясь на ноги, а затем тычет окровавленным пальцем в мою сторону.

– Теперь это не имеет значения, – усмехается она сквозь кровь, стекающую по ее губам. – Тебе конец. Мои родители подадут на тебя в суд за все...

Я громко смеюсь. Вот это да! Глупость может быть смешной, но этот случай – просто шедевр комедийного искусства.

Брук останавливается на полуслове и удивленно смотрит на меня. Я же сгибаюсь от смеха, прижимая руки к животу:

– Ради всего святого, пусть попробуют.

У меня ни гроша за душой, а эта сука решила подать на меня в суд. Смешно и нелепо.

– А вот и попробуют! – кричит она. – Ты думала, что я могу лишь распускать гребаные слухи? Я сровняю тебя с землей!

Ты? Меня? Слишком поздно, ехидно думаю я, а вслух говорю:

– Я не боюсь твоих гребаных слухов, они всего лишь меня раздражают. У тебя и этих слухов много общего: вы фальшивки.

– Ах ты... – выдыхает она, но останавливается, глядя куда-то за мое плечо.

Кровь все еще течет из ее ноздрей, а рот растягивается в самодовольной ухмылке. Обращаюсь, чтобы узнать, что привлекло ее внимание.

Вот дерьмо!

За моей спиной стоит директор Дилэйни. Она скрестила тонкие руки на груди и мерит меня холодным убийственным взглядом. Он еще более тяжелый, чем вчерашний. Возможно, потому что она не ожидала, что я так скоро снова облажаюсь. А я не ожидала встретить одного из городских наркодилеров и получить от него непристойное предложение, когда возвращалась домой. Полагаю, нас обеих на этой неделе ждали неприятные сюрпризы.

– Авалон Мэннинг, – голос директора эхом разносится по кафетерии.

Он звучит слишком громко даже для моих собственных ушей. Наверное, это потому, что вокруг царит тишина. Директор смотрит на меня, а я не утруждаюсь опустить взгляд или изобразить хоть каплю раскаяния. Мы обе знаем, что я не раскаиваюсь. Когда мне кажется, что Дилэйни больше ничего не скажет или она слишком шокирована, чтобы придумать наказание, я поднимаю руку в знак приветствия и улыбаюсь ей.

– Доброе утро, директор.

Ее взгляд скользит сначала по мне, а затем по девушке позади меня.

– Ты в порядке, Брук? – спрашивает она, и, когда сучка за моей спиной всхлипывает, я не могу сдержать улыбку. Держу пари, что, хоть она и притворяется, ей больно шмыгать носом, учитывая, что он сломан.

– Нет, директор Дилэйни! – кричит Брук. – Авалон напала на меня. Посмотрите на мое лицо!

– Не переживай, принцесса, – говорю я с иронией. – Моя ринопластика намного лучше, чем предыдущая. И твоему отцу она ничего не стоила. За счет заведения, – поворачиваюсь к ней и холодно смотрю. – Но в следующий раз тебе может повезти меньше.

Брук резко замолкает, а директор Дилэйни с досадой закатывает глаза, а затем снова смотрит на меня.

– В мой кабинет, – выдавливает она. – Сейчас же.

Пожимаю плечами и направляюсь обратно по коридору, по которому пришла. Спустя пятнадцать минут в свой кабинет стремительно врывается директор Дилэйни. Увидев, что я действительно выполнила указания и жду ее в кабинете, она успокаивается настолько, что закрывает за собой дверь, не хлопнув ею.

– Авалон, я же уже говорила, что больше не хочу тебя здесь видеть, – говорит она после недолгой паузы.

Я скрещиваю ноги и кладу руки на живот.

– Да, говорили.

Честно говоря, я тоже не хотела сюда возвращаться. Но жизнь полна сюрпризов, порой неприятных.

Я признаю, что директор Дилэйни, стройная, привлекательная женщина с оливковой кожей и миндалевидными глазами, умна и справедлива. За последние четыре года я училась в пяти школах, и из всех директоров она нравится мне больше всех. Мне всегда казалось, что она заботится о моих чувствах. Что ей не все равно, если я расстраиваюсь или мне плохо.

А сейчас я замечаю, как у нее под глазом пульсирует нерв – это всегда происходит, когда она злится.

– Тогда почему? – спрашивает она, подходя к своему столу и грубо сжимая лежащий на нем мячик-антистресс.

Мы с этим мячиком часто становились свидетелями вспышек ее злости. Обычно это случалось после того, как я делала что-то веселое или немного безумное, как говорят некоторые мои полудрузья. Я называю их полудрузьями, потому что это не настоящие друзья. Это просто люди, с которыми я провожу время, пока не совершу какую-нибудь ошибку и не перейду в другую школу.

– Скажи мне, по какой причине ты сломала нос той девочке в школьной столовой менее чем через сутки после нашей последней встречи? – Антистрессовый мячик располагается на внутренней поверхности ее ладони, слегка выступая между пальцами.

– Знаете, у каждого человека в голове есть внутренний голос, который предостерегает от неприятностей. – Ее глаза сужаются, и я улыбаюсь. – А у меня все наоборот. Он постоянно говорит мне: «Дерзай, сучка!»

– Это из-за слухов? – спрашивает она.

Ну конечно, они дошли уже и до директора.

Она смотрит на меня еще мгновение, а затем закрывает глаза и дышит медленно и размеренно: вдох, выдох, вдох, выдох. Мне почти жаль ее. Почти.

– Авалон, ты же понимаешь, что слухи – это просто слухи. Они не могут тебе навредить.

Вот тут она ошибается. И, по правде говоря, задница Брук уже давно напрашивалась на то, чтобы ее надрали. С тех пор как я перешла в эту школу, она не оставляла меня в покое. В мой шкафчик подсовывали использованные тампоны, воровали учебники и возвращали их с неприличными надписями внутри, крали выполненные домашние задания. Я не глупа и знаю, кто за этим стоял.

В первый же день ко мне начал приставать ее парень, но вместо того, чтобы обвинить в измене этого лживого ублюдка, Брук решила выгородить его и обвинила меня. Я была в ярости от такой «женской солидарности». Но ее последний поступок окончательно вывел меня из себя.

Дилэйни утверждает, что слухи не причинят мне вреда. Нет, они могут сделать гораздо хуже. Если ублюдки в моем районе станут думать, что цыпочка продается, хотя я усердно старалась убедить их в обратном, то это дерьмо ничем хорошим не закончится.

Я не шлюха, но угроза Брук может превратить меня в одну из них.

– Вчера я сказала, что эта школа – твой последний шанс, и это не пустые слова, – наконец выдавливает из себя директор. – Тебе больше некуда идти. В этом районе нет других школ, которые примут тебя, особенно с твоим послужным списком. – Она сильнее сжимает мячик и замолкает на мгновение.

Что ж, я не удивлена таким поворотом. Поэтому закрываю глаза, выдыхаю и жду ее последнего слова.

– Ты же такая умная девочка, Авалон, – устало говорит Дилэйни.

Я знаю, что она сейчас скажет, и понимаю, что она ненавидит себя за это. Но я не виню директора Дилэйни. Она отличный профессионал, но даже у лучших есть свои границы. Я вижу, что она уже все решила.

– У тебя нет выбора, – произносит она с заметной сдержанностью, но почти сразу ее слова прерывает неожиданный голос незнакомки. Мы с директором Дилэйни буквально подпрыгиваем, когда дверь в ее кабинет распахивается.

Мы одновременно поворачиваемся к высокой женщине в красных туфлях на шпильках и безупречном белом брючном костюме. Она заходит в дверь, а секретарша директора, мисс Блевинс, маячит у нее за спиной.

– Простите, директор Дилэйни, – бормочет мисс Блевинс, а затем замечает меня, – я выходила и не знала, что у вас тут ученица. Там был такой переполох...

– Все в порядке, мисс Блевинс, – говорит Дилэйни, опуская руку с мячом. – Ситуация под контролем, – добавляет она, бросая на меня взгляд.

Женщина в белом смеется, и наши взгляды возвращаются к ней.

– Подозреваю, что ваше волнение как-то связано с этой юной леди, директор Дилэйни, – говорит она, выгибая бровь, и я хмурюсь. – Я права?

– К сожалению, – со вздохом отвечает директор. – Простите, но я должна закончить нашу беседу, мисс...

– Бэрнс, – представляется женщина, протягивая руку с идеальным маникюром.

– Что ж, извините, мисс Бэрнс, если у нас сегодня была назначена встреча. Но сейчас я занята с ученицей и, боюсь, буду занята еще несколько часов.

Директор Дилэйни жмет протянутую руку женщины, стараясь не показать волнения, но ее взгляд устремлен на меня.

– На самом деле, кажется, я могу помочь вам, – говорит мисс Бэрнс. – Я отвечаю за прием студентов в университет Ист-Пойнт и хочу поговорить с вами о вашей ученице. Мы предлагаем программу двойного зачисления, и она может быть ей интересна. Так что я считаю, что пришла как нельзя вовремя. Вы случайно не мисс Авалон Мэннинг?

– Мы не ожидали вас раньше следующей недели, – говорит директор Дилэйни, не пытаюсь скрыть удивления.

Я бросаю на нее смущенный взгляд, но она слишком сосредоточена на мисс Бэрнс, чтобы заметить его.

– Я была неподалеку, – улыбается мисс Бэрнс.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – наконец спрашиваю я, поворачиваясь к ним.

Директор Дилэйни издает странный звук, похожий на рычание. И мне не нужно оборачиваться, чтобы понять: она смотрит на меня. Ее взгляд словно прожигает мою кожу, но я не отвожу глаз от женщины в белом.

– Авалон, тебя вербуют, – говорит она.

– Со следующей недели я хочу зачислить тебя в университет Ист-Пойнт, – говорит мисс Бэрнс. Я открываю рот, но она не дает мне произнести ни слова. – Ист-Пойнт предоставляет уникальную возможность ученикам, которые еще учатся в средней школе, получить зачетные баллы для стипендии. Эти баллы также пойдут в твой аттестат, – она улыбается, но в моей голове вертится вихрь мыслей.

– Что за хрень?

– Так как это твой последний год, – мисс Бэрнс делает паузу и смотрит на директора Дилэйни, словно проверяя, правильно ли она поняла ее реакцию. Получив кивок, она продолжает: – Тебе нужно будет посещать занятия только в течение семестра. Но это очень важно. Ист-Пойнт надеется, что после получения аттестата ты захочешь продолжить обучение у нас, – я открываю рот, чтобы что-то сказать, но она меня перебивает: – Если ты переживаешь за своих родителей, не стоит. Я только что была у твоей матери, и она уже подписала согласие.

У меня отвисает челюсть. Я не могу представить, чтобы эта женщина в белоснежной одежде переступила порог дома моей матери. Если она уже видела полосы грязи на треснувшей сетчатой двери или чувствовала многолетней запах рвоты и травки в спертом воздухе трейлера, то как она осмелилась прийти сюда и попытаться завербовать меня? Я всегда считала себя умной, но это чертовски подозрительно.

– Ава? – неуверенно произносит директор Дилэйни, возвращая меня в реальность.

– Вы же не серьезно? – качаю я головой.

– Авалон, я говорю абсолютно серьезно, – отвечает мисс Бэрнс. – Ист-Пойнт – элитный университет. Мы принимаем только тех, кто подходит для наших программ.

– Вероятно, произошла ошибка, – говорю я и указываю на себя. – Я не принадлежу к элите. Вы бы это поняли, если, как говорите, были у меня дома.

Мисс Бэрнс смотрит на меня сверху вниз, ухмыляясь, и я стискиваю зубы от ее усмешки. Хочется ударить по чему-нибудь кулаком.

– Думаю, ты скоро поймешь, что в Ист-Пойнте слово «элита» имеет особое значение. Оно не зависит от происхождения. Элита – это место, куда стремятся. Все, кого мы принимаем в наши ряды, находят в Ист-Пойнте гораздо больше, чем могли бы найти в другом месте.

– Это все равно не объясняет, зачем вы хотите меня завербовать.

Я же не могу позволить себе даже колледж.

– Я не могу позволить себе даже колледж, – говорю я уже вслух.

Ни один колледж не захочет меня вербовать. Мой школьный опыт далек от идеального, и меня выгнали из пяти школ, включая ту, в которой я сейчас учусь. Черт возьми, понимаю, что не являюсь лучшей кандидатурой для вербовки.

– Ист-Пойнт фокусируется на главном, – говорит мисс Бэрнс с понимающей улыбкой. – И, поскольку вас уже вербуют, позвольте сказать, что мы предлагаем стипендию. Для всех студентов программы созданы равные условия. Если вы поступите в Ист-Пойнт и сохраните свои оценки на том же уровне, скорее всего, вам дадут стипендию для продолжения обучения.

– Что ж, спасибо, – фыркаю я, – но у меня уже есть план.

– Боюсь, что после сегодняшнего дня твой план не сможет быть реализован, Ава, – слова директора Дилэйни обрушиваются на меня как ледяной поток, и я вдруг вспоминаю, зачем пришла в этот кабинет. – Из-за того, что случилось, мне придется принять меры. И, скорее всего, это означает исключение. Более того, – продолжает она, – тебе могут предъявить обвинение в нападении. Родители Брук будут недовольны тем, что произошло.

Еще утром я была к этому готова. Но сейчас, слушая, как мисс Бэрнс говорит о колледже и дипломах, мне на ум приходит причина моих высоких оценок. Я мечтаю уехать из этого города к чертовой матери, и, судя по улыбке женщины, она это понимает.

– Я уверена, мы уладим вопрос с родителями той ученицы, – говорит мисс Бэрнс, удивляя меня.

– Уладите? – я изумленно поднимаю бровь, а мисс Бэрнс пожимает плечами.

– Ист-Пойнт и я сделаем все, чтобы вы поступили в наш университет, мисс Мэннинг. Если нужны деньги, я помогу. Я вытаскивала своих подопечных из куда более сложных ситуаций, – мисс Бэрнс склоняется ко мне и смотрит в глаза. Я не отвожу взгляда и не хмурюсь, просто жду. Знаю, она еще не закончила. – Итак, напрашивается вопрос: каков будет ваш выбор?

Выбор?

Судя по ее словам, у меня нет выбора. Вернее, он довольно прост: университет или колония для несовершеннолетних. Или, возможно, тюрьма. Что ж, я выбираю...

Конечно, Ист-Пойнт.

4

Авалон 2 недели спустя

Добро пожаловать в город богатых людей. Здесь живет элита, представители высшего общества, их дьявольские отпрыски, а теперь и я. Сказать, что я оказалась не в восторге от этой перспективы, было бы преуменьшением. Как только я увидела университет Ист-Пойнт, сразу поняла: мне здесь точно не понравится. Здания в кампусе напоминают мини-замки из кирпича. Их крыши украшены шпилями, а вокруг возвышаются высокие арки. На территории даже есть башня с часами и статуи, на которые я невольно смотрю, когда мы проезжаем через железные ворота.

– Занятия в колледже начинаются позже обычного, но я договорилась, что ты начнешь в понедельник. Так что у тебя будут целые выходные, чтобы осмотреться в кампусе и освоиться, – объявляет мисс Бэрнс, нарушая благословенную тишину, которой я наслаждалась последние два часа, потому что ей потребовалось почти восемь, чтобы наконец заткнуться и перестать тараторить об Ист-Пойнте. – Я уверена, что ты быстро наверстаешь упущенное, учитывая твои оценки, – улыбается она. – Но, перед тем как мы доберемся до общежития, хочу предупредить о нескольких правилах.

– Ну конечно, как без этого, – бормочу я, взмахивая рукой, чтобы она продолжала.

Позже мне предстоит определиться, стоит ли следовать этим правилам, но обычно в своей жизни я руководствуюсь исключительно собственными принципами.

– Поскольку я – твой поручитель, ты должна поддерживать со мной связь. Тебе уже восемнадцать, так что у тебя больше свободы, чем у других студентов по программе двойного обучения, но нам нужно будет встретиться хотя бы дважды за семестр, чтобы я убедилась, что ты продолжаешь учиться. Мы сможем обсудить твои планы на будущее, как если бы я была твоим классным руководителем в последней школе, – говорит она.

Я зеваю и смотрю в окно, любясь проплывающим мимо пейзажем.

– От тебя ждут отличных результатов в учебе, – говорит она. – Я посмотрела твой аттестат и решила, что тебе не понадобятся репетиторы. Если ты смогла получить такие высокие оценки по сложным предметам, то легко справишься и здесь.

Мне с трудом удастся скрыть раздражение. Кажется, что углубленное изучение предметов – это сложно из-за большого объема работы. Но сама работа по предмету не такая уж и трудная. Особенно если тебе нечем заняться. Поэтому мисс Бэрнс не стоит так явно демонстрировать свое восхищение.

– Ты будешь жить в общежитии вместе с другими студентами, участвующими в программах двойного зачисления на стипендию. Оно полностью женское. Это значит, что ты можешь приглашать друзей, но мальчики не могут оставаться на ночь.

Думаю, я это предвидела. Хотя в любом случае с этим правилом у меня бы не возникло проблем. Я никогда не доверяла парням настолько, чтобы позволить им остаться у меня на ночь. Честно говоря, я вообще не стремлюсь делить с кем-то комнату. Даже мысль о том, чтобы спать в нескольких шагах от практически незнакомого человека, вызывает у меня дрожь. Мой сон точно будет нарушен.

– В остальном все будет просто. Здесь не школа, любые драки запрещены, включая соседа по комнате. Я уважаю твою страсть, но советую держать себя в руках.

Я перевожу взгляд на мисс Бэрнс и прищуриваюсь, когда вижу, как крепко она сжимает руль. Так сильно вцепилась в него, что кожа на руках побледнела.

– Страсть? – повторяю я с тихим смешком. – Вы так это называете?

– Авалон, это серьезно, – говорит она, объезжая здание с высокими окнами, за которыми царит темнота.

Мисс Бэрнс поворачивает голову и так пристально смотрит мне в глаза, что я невольно выпрямляюсь.

– Тебя действительно завербовали, и, конечно же, мы хотим видеть тебя здесь, но не обольщайся. Если ты будешь повторять те же ошибки, что и в прошлых школах, то тебе действительно некуда будет идти. Ист-Пойнт – твой последний шанс, и я рада, что ты решила принять его. Но есть правила, которые необходимо соблюдать, и насилие в кампусе недопустимо. Этому правилу подчиняются беспрекословно. Понимаешь? Конечная станция.

Конечная станция?

Не знаю почему, но мне нравится эта фраза. Нравится балансировать на грани. Когда я сталкиваюсь с чем-то опасным, мое сердцебиение учащается, пот собирается в центре ладоней, а в груди расцветает темная жажда. Драка с Брук ее несколько поумерила, но с тех пор прошло уже две недели, и я начала чувствовать необходимость устроить небольшой дебош. Чувство, возникшее в тот самый день, когда Роджер дал понять, что не против взять дочь своей клиентки, никуда не исчезло.

– Да, – рассеянно отвечаю я, отводя глаза от мисс Бэрнс. – Я поняла, не переживайте. Если никто не будет со мной конфликтовать, то и я не стану вступать в конфликты.

Когда мисс Бэрнс никак не реагирует на мои слова, я хмурюсь и смотрю на нее. Она не расслабилась, а, наоборот, еще крепче сжала руль. Кажется, мои слова ее рассердили. Я думаю, что еще сказать, но, поскольку ничего не приходит в голову, перевожу взгляд на здание впереди. Машина замедляется и останавливается.

Общежитие Хейверс.

По сравнению с другими зданиями в кампусе общежитие Хейверс кажется мне наименее привлекательным с эстетической точки зрения, но, возможно, оно просто нуждается в ремонте. Крыша наклонена так сильно, что кажется, будто здание стоит под углом, окна грязные, а тротуар перед ним покрыт трещинами. Это отличается от того, что я видела, когда проезжала по кампусу. Фасад общежития зарос травой, а табличка на входной двери покрыта таким количеством грязи, что надпись на ней читается с трудом. Но это не имеет значения. Здание выглядит лучше, чем трейлер, в котором я выросла.

Захожу в общежитие вслед за мисс Бэрнс и жду, когда мне выдадут ключи от комнаты и студенческое удостоверение. Лишь краем уха я слушаю ее рассказ о размере студенческого пособия на питание и других необходимых вещах, которые можно купить по студенческому удостоверению, и к тому моменту, когда мы поднимаемся на мой этаж, я уже готова взорваться от напряжения. Мои пальцы нервно отбивают ритм по бедру, и я чувствую, что мне нужно расслабиться. Возможно, пробежаться или отвлечься как-то иначе. Но пока вынуждена подниматься вслед за женщиной, которая привезла меня сюда, ведь для участников программы обучения, в которую я попала, не предусмотрено общежития с роскошным лифтом.

– Вот мы и пришли, – произносит мисс Бэрнс, указывая на белую дверь с облупившейся краской в правом верхнем углу.

Администратор общежития, женщина, которой, очевидно, сообщили обо мне в общих чертах и попросили присматривать, бросает взгляд через плечо и изучает мою анкету. Я вскидываю бровь и наклоняю голову, глядя прямо на нее, однако не успеваю что-то сказать, потому что внезапно раздается звонок мобильного телефона, и мисс Бэрнс буквально подскакивает на месте, быстро доставая источник шума из своей сумочки.

– Я вынуждена тебя оставить с мисс Лоури, Авалон, – объявляет мисс Бэрнс, глядя на меня поверх экрана, – мне нужно ответить, – она проводит рукой по экрану, отвечая на звонок, но не сразу подносит телефон к уху, так как торопится закончить со мной. – Она познакомит

тебя с твоей соседкой по комнате. Если возникнут вопросы, найди в своих документах адрес моего офиса и номер телефона.

Я киваю и смотрю, как мисс Бэрнс стремительно уходит по коридору, стуча каблуками по изношенной виниловой плитке. Мисс Лоури делает шаг вперед и, не сводя с меня взгляда, стучит в дверь. Дверь распаивается, и на пороге возникает невысокая, хрупкая девушка с выцветшими фиолетовыми волосами. Увидев меня, она хмурится.

– Добрый день, Райли, это Авалон, твоя новая соседка по комнате, – мисс Лоури жестом показывает на меня. – Авалон, это Райли.

Руки начинают болеть от веса моих сумок. А поскольку мне кажется, что цыпочка вообще не собирается отходить, я, закатив глаза, молча прохожу мимо нее в комнату, бросаю вещи на край заправленной кровати, которая, очевидно, предназначена для меня, и поворачиваюсь к двери. Райли хмуро смотрит на меня, а затем опускает взгляд, внимательно осматривая с ног до головы. Я уже привыкла к настороженным взглядам, поэтому сразу узнаю этот. Я знаю, чего добивается мисс Бэрнс: она сводит меня с девушкой из аналогичного окружения и надеется, что я подружусь с ней. Но, похоже, ее вторая жертва не менее равнодушна к этой идее, чем я.

Райли выглядит еще хуже меня. Кажется, что ветер может переломить ее пополам. Темные круги под глазами резко контрастируют с бледной кожей и лавандовыми волосами, которые нуждаются в покраске, так как сквозь них уже видны темные корни. Эта девушка явно не может позволить себе тратить деньги на посещение дорогих салонов красоты. И если это было не очевидно по общежитию, в котором она живет, и тому, что она заполучила меня в качестве соседки по комнате, то становится понятно по ее поношенным шортам и футболке с изображением группы восьмидесятых, которая выглядит как вещь с барахолки.

Когда Райли заканчивает рассматривать меня, я вызывающе приподнимаю бровь и жду. Она закатывает карие глаза, поворачивается и тянется к сумке, которая висит на задней стороне двери.

– Замечательно, – говорит она без всякой интонации. – Просто не трогай мое барахло, и все будет хорошо. Мне пора на занятия. Увидимся позже.

Я улыбаюсь ей вслед, когда она почти выбегает из комнаты.

– Милая цыпочка, – сухо комментирую я, ни к кому не обращаясь, и возвращаюсь к своим вещам.

Открываю одну из сумок, готовясь разбирать вещи, но мисс Лоури не уходит, и я чувствую на себе ее взгляд. Это начинает нервировать.

– Вы хотите что-то сказать? – спрашиваю я, поворачиваясь к ней.

Ее взгляд становится твердым. Словно защищаясь, она скрещивает руки на груди и пристально смотрит на меня.

– Мисс Мэннинг, я уверена, что мисс Бэрнс все уже вам объяснила, – медленно произносит она. – Однако я должна предупредить вас о некоторых нюансах, – я наклоняю голову, ожидая продолжения, но, по ее лицу – сжатым губам и прищуренным глазам – вижу, что она ждет моей реакции. Я знаю, что молчание может вызывать дискомфорт, но сохраняю спокойствие, лишь изредка моргая. Часов у меня нет, но кажется, проходит вечность, прежде чем она начинает говорить снова: – Университет Ист-Пойнт – старое и уважаемое учебное заведение, мисс Мэннинг, и вам следует помнить, что ваше пребывание здесь стало возможным благодаря щедрости семей-основателей, которые полностью финансируют ваше обучение и проживание. В ваших интересах не привлекать лишнего внимания и воздерживаться от обсуждения всего, что вы видите, слышите или делаете здесь. Вам понятно?

Мне трудно сдержать улыбку, едва не растекающуюся по губам.

– Конечно, мисс Лоури, – отвечаю я, но она продолжает изучать меня, будто пытается снять слои моей кожи и заглянуть в голову. Однако особенность моей головы в том, что ни у кого, кроме меня, нет ключа к этому месту. Я не позволю этой нахалке с высокомерным видом

даже заглянуть внутрь. То, что она там увидит, шокирует ее ранимую душонку. И, возможно, она сразу же побежит к мисс Бэрнс и потребует отправить меня в психиатрическую больницу, чтобы я больше не могла общаться с законопослушными людьми.

Она поворачивается, чтобы уйти, но останавливается и оглядывается через плечо.

– Добро пожаловать в Университет Ист-Пойнт, Авалон.

Ее слова звучат как угроза, а не приветствие, но меня это устраивает. Я привыкла справляться с трудностями и угрозами, как и со всем остальным в жизни. И делаю это по-своему, жестко.

5

Авалон

Я подношу сигарету к губам и выпускаю дым, который медленно поднимается вверх. Мимо проходят несколько студентов, бросая на меня хмурые взгляды. Но я игнорирую их и сосредотачиваюсь на том, что находится передо мной. Это помогает сохранять спокойствие, хотя на самом деле мне хочется совершить что-то опасное.

Пока я наблюдаю за девушкой, которая осмелилась насмеяться надо мной, проходя мимо, моя нога нервно стучит по тротуару. Она повела себя так, будто я какая-то неудачница. В этом месте четко прослеживается иерархия, и не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто стоит на ее вершине. Их одежда от известных брендов без единого пятна красноречиво говорит о статусе. Ремни от «Гуччи» и сумки «Шанель» – отличительные черты студентов среднего класса. Их отношение к окружающим и манера держаться играют ключевую роль. Они уверены в своей неуязвимости, полагая, что богатство и власть защищают их от любых проблем. Я ухмыляюсь, стряхиваю пепел с сигареты, не задумываясь о том, куда он упадет. В голове начинает стучать.

Конечно же, в Ист-Пойнте есть и такие, как я, – участники различных программ и стипендиаты. Они стараются не выделяться, носят старые куртки и рваные джинсы, которые потертые от длительного использования, а не от стремления следовать моде. Я могу отличить их от тех, кто принадлежит к элите, несмотря на все их усилия. Это чертовски отстойное место. Мне трудно это признать, но по пути сюда я думала о том, чтобы начать все с нуля и изменить себя. Но, кажется, где бы я ни была, притворяться слабой – это не выход. Потребность посеять небольшой хаос давит на меня как чертова удавка, и мне хочется убежать.

Пытаюсь отвлечься и переключиться на что-то другое, чтобы хоть на время забыть об этих мыслях, и как раз вовремя, потому что на меня падает чья-то тень.

– Ты че, черт возьми, творишь? – слышу я знакомый голос, поднимаю голову и вижу пылающие гневом карие глаза своей соседки по комнате.

– Ничего, – отвечаю я, откидываясь на спинку стула и притворяясь расслабленной, хотя на самом деле чувствую себя иначе. – Просто дышу свежим воздухом и наслаждаюсь видом, – делаю еще одну затяжку, прежде чем потушить сигарету о красивый белый кирпичный тротуар. Оставив на нем темное пятно, напоминающее шрам, я выбрасываю окурочек в ближайший мусорный бак, и Райли качает головой.

Она указывает на черную метку, которую я оставила на земле:

– Нет, я имею в виду это. Это что, пометка территории? Ты что, сука?

Я пожимаю плечами, обводя глазами дорожки, по которым, словно волны, движутся потоки студентов, выходящих из общежитий и устремляющихся в сердце кампуса.

– Мне захотелось никотина.

– Ну и зря, – резко отвечает она. – Брось эту привычку, она все равно тебя убьет.

Я замираю и снова смотрю на нее.

– А тебе-то, черт возьми, какое дело? – Я поднимаю бровь, но вместо того, чтобы сразу ответить, Райли, кажется, наконец осознает, сколько людей наблюдают за нами.

Она напряженно втягивает худые плечи и пристально смотрит на меня. Серьезно, ее метаболизм, должно быть, зашкаливает.

– Пойдем со мной, – внезапно говорит она, отступая назад. Я смотрю на нее в замешательстве, но с веселым интересом.

Когда ей становится ясно, что я не собираюсь вставать и выполнять ее указания добровольно, она наклоняется, хватая меня за запястье и тянет за собой. Обычно я бы разбила

кому-нибудь лицо только за то, что он посмел прикоснуться ко мне, но сейчас мне любопытно, поэтому я позволяю ей тащить меня за собой. Интересно посмотреть, что она сделает или скажет, когда мы завернем за угол.

Она толкает меня в укромный уголок, подальше от любопытных глаз, и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.